

«БЕСПОРЯДКИ И ЗАМЕШАТЕЛЬСТВА» В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XIX в.

В эпоху наполеоновских войн перед администрацией Саратовской губернии остро встала задача обеспечения порядка и безопасности на вверенной ей территории. Причем в условиях военного противостояния органам государственной власти пришлось выполнять не только свои традиционные обязанности, связанные с поддержанием общественного порядка и борьбой с преступностью, но и специфические, порожденные войной (выявление шпионов, содержание пленных и др.). Подводя итоги этой деятельности, саратовский губернатор А.Д. Панчулидзе на собрании, которое состоялось в его доме 29 июня 1814 г., сказал: «Во время, когда хищный враг Европы проник в самое сердце Отечества нашего, Саратовская губерния... оставалась совершенно покойною...»ⁱ Эту же мысль он постоянно проводил в своих отчетах за 1811-1814 гг., указывая, что «не повиновения и послушания ни в каком роде по всей губернии... ни кем оказываемо не было»ⁱⁱ. Однако еще в середине XIX в. исследователь Н.В. Варадинов, а вслед за ним и В.И. Семевский отмечали, что в ряде губерний, в том числе Саратовской, в 1812 г. были разного рода «беспорядки и замешательства...»ⁱⁱⁱ.

Отрывочные сведения о некоторых из них встречаются на страницах дореволюционных, советских и постсоветских работ, однако в историографии попыток обозреть всю совокупность происшествий на территории Саратовской губернии в эпоху наполеоновских войн и борьбу с ними еще не предпринималось^{iv}. Кроме того, анализ выявленных антикрепостнических, криминальных и антиправительственных выступлений, имевших место на Саратовщине, позволит приблизиться к решению вопроса о настроениях местного населения.

В начале XIX в. саратовским властям, как и властям других регионов, приходилось реагировать в первую очередь на социальные выступления крестьян и рабочих людей, которые не прекращались в крае в течение всей крепостной эпохи.

6 августа 1812 г. в с. Верхняя Добринка Камышинского уезда Саратовской губернии произошло открытое выступление крестьян, связанное с распоряжением правительства от 12 марта о составлении сверх обычных ревизских сказок особых посемейных списков с обозначением в них крестьян обоего пола. Крестьяне подумали, что это распоряжение дает им «вольность быть барскими или нет», и единогласно решили, что они стали вольными. Крестьяне сменили старосту и старшину, которые поспешили уехать из имения ночью вместе с бурмистром, и пытались склонить к совместному выступлению крестьян с. Грязнуха, для чего послали к ним «человек до 20-ти». Однако те сказали, что «они бунтовать против госпожи своей (М.А. Волковой. - В.Т.) никогда и не помышляли и не думали». Эти волнения в имении Волковой продолжались целую неделю^v.

Ломщики соли на Эльтонском озере в разгар войны заявили, что «плату по одной копейке за пуд... по настоящей дороговизне на все припасы почитают для себя невыгодною». А «потому при заподазрении их... на нынешний год все единогласно отозвались, что добывать соль по прежней цене не будут». В результате указом от 6 сентября 1812 г. оплата труда им была увеличена до 1 ½ коп. с текущего года^{vi}.

Крестьяне с. Перевесенка Балашовского уезда Саратовской губернии, принадлежавшие князю П. А. Волконскому, в годы войны с Наполеоном подали судебный иск о воле. Дело в том, что часть этих крестьян являлась потомками украинцев, ранее поселившихся здесь на свободных землях и считавших себя неправильно закрепощенными. В свою очередь князь в 1815 г. подал жалобу в Сенат на саратовское губернское начальство, которое, по его мнению, не принимало должных мер к приведению в повиновение его крестьян^{vii}.

Однако наряду с традиционными для всей крепостной России проблемами в Саратовском Поволжье существовали и другие, обусловленные спецификой региона. Одной из них, вставшей перед местной администрацией еще с момента присоединения Поволжья к России, была борьба с «понизовой вольницей»^{viii}. В эпоху наполеоновских войн питательной средой для ее процветания стали массовые бегство и бродяжничество: «многочисленные побеги обнаружались из рекрутских партий, войска, помещичьих и государственных крестьян

и из других сословий...»^{ix}. Масштабы их можно примерно представить по количеству задержанных на территории Саратовской губернии «разного звания беглых людей»: в 1811 г. здесь было поймано 441, в 1812 г. - 548, в 1813 г. - 776, в 1814 г. - 1024 человека^x.

Умножившиеся побеги привели к наводнению Саратовского Поволжья отрядами лихих людей. В июле 1804 г. тогдашний губернатор П.У. Беляков привлек десять отставных казаков «к истреблению воровской шайки, появившейся на Волге около Волгска»^{xi}. В 1807-1812 гг. спокойствие жителей с. Голицына Аткарского уезда нарушала ватага разбойников под предводительством легендарного Голяева. «Согласно преданию он мог заговаривать оружие и был способен оборачиваться в разных животных...»^{xii}.

Во главе другой банды, состоявшей из беглых каторжников, был «малороссиянин Камышинского уезда» Ястребов. В ночь с 25 на 26 апреля 1812 г. они напали на хутор Баланда на р. Караман за Волгой, а в ночь с 1 на 2 мая - на слободу Покровскую^{xiii}, где явились в дом головы соляных «вощиков», «прибили жену его [и] взяли на большое количество имения...»^{xiv}. Неделю спустя ниже Саратова между селением Ахмат и немецкой колонией Севастьяновка налетчики были «пойманы. Один, при обороне, убит; при ловлении, два немца (колониста. - В.Т.) ранены разбойниками»^{xv}.

15 июня 1812 г. было совершено нападение на партию солевозчиков, остановившихся на ночлег. Наводчиком нападавших оказался «малороссиянин Узморской слободы Максим Середенко», отданный в рекруты и бежавший из Саратова с другими новобранцами^{xvi}.

Согласно преданию, записанному членом Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК) Б.В. Зайковским, на территории Саратовской губернии зимой 1812 г. конвой из донских казаков, сопровождавший «московскую казну» в Астрахань, завладел ею и отправился к границам области Войска Донского. Однако, узнав о погоне, казаки зарыли клад между слободой Елань и селом Судачьем Аткарского уезда Саратовской губернии^{xvii}.

В 1813 г. в Вольском нижнем земском суде отложилось много дел по поимке беглых людей, главным образом солдат или молодых рекрут, или же крестьян, стоявших на рекрутской очереди, которые «часто ходили по несколько человек вместе... и занимались воровством разных вещей и даже лошадей». Например, воры напали ночью 12 и 18 июля 1813 г. на жителей колонии Нижняя Добринка и захватили вещей на 115 и 45 рублей соответственно^{xviii}.

Новые случаи грабежей, разбоев и убийств в Саратовской губернии отмечены в отчетах губернатора за 1814-1815 гг.^{xix}, а также в дневнике саратовского протоиерея Н.Г. Скопина. Последний, например, писал, что «в мае месяце [1814 г.] близ Саратова в селе Хмелевке, принадлежавшем дворянину Шахматову и его братьям, убит был один из них беглым солдатом и его дворовыми людьми»^{xx}.

Война вообще обесценила человеческую жизнь: если с 1802 по 1810 г. (за девять лет) на территории губернии было совершено 72 «смертоубийства», то с 1811 г. по 1814 г. (за четыре года) - 90^{xxi}, причем они осуществлялись и в самом губернском центре. В 20-х числах января 1813 г. Скопин записал в своем дневнике: «В городе найдены убитыми два человека»^{xxii}. Член СУАК В.О. Жеребцов, основываясь на воспоминаниях своего отца, также рассказывал, что «разбои, грабежи и убийства в городе были явлениями обычными. В окрестностях Саратова разбойники имели постоянные логовища в разных оврагах. Облавы на них были безрезультатны»^{xxiii}. Поэтому в самом Саратове, по словам пленного унтер-офицера 24-го егерского полка Н. Савена, «ночью богатые дома... охранялись стражею, вооруженной дубинами и ружьями»^{xxiv}.

Разбойники орудовали не только на суше, но и на воде. Например, в течение лета 1812 г. шайка поповича Данилы Ильина из Николаевского городка, что против Камышина, разбила на Волге пять больших кораблей^{xxv}. Против речных разбойников в Саратовской губернии боролась специальная гардкоутная служба, созданная еще при императоре Павле и просуществовавшая до 1857 г.^{xxvi} Опасаясь ограбления «удальцами», принимали свои меры и владельцы частных кораблей. Пленный лейтенант К.А.В. фон Ведель вспоминал, что в 1813 г. река около города изобиловала «великим множеством судов и плотов, оснащенных пушками», которые имели «обыкновение отмечать свое прибытие и отправление приветственными и прощальными выстрелами»^{xxvii}.

Другая проблема, возникшая перед властями еще во второй половине XVII в., была

связана с тем, что на территории Саратовского Поволжья были распространены различные течения старообрядчества и секты. На севере губернии, благодаря близости влиятельных Иргизских монастырей, и на юге, - земель Войска Донского, преобладали поповцы, беспоповцы имели более прочные позиции в Саратове. В южных уездах, кроме того, были представлены такие «рационалистические» направления в русском сектантстве, как молокане и субботники (жидовствующие).

Получив в начале XIX в. ряд гражданских и религиозных прав, старообрядцы и сектанты развернули энергичную деятельность. При этом они нередко игнорировали существовавшее законодательство, а порою открыто и демонстративно противостояли церковным порядкам и установлениям. Об их «самовольных» и «дерзновенных» поступках в Пензенскую консисторию поступали многочисленные рапорты и донесения из разных мест обширной епархии. Саратовский благочинный Н. Г. Скопин, выражая озабоченность усилением раскола, в январе 1812 г. писал архиерею о молоканах: «С сими раскольниками, так как и вообще со всеми, не знаю, как и обращение иметь - чтоб не распространялись, возложено сие на светское начальство... Политическую сию милость и снисхождение почитают они по своей глупости за такое обширное дозволение, что без страха всегда себя объявляют, разговаривают в свою пользу и поступают самовольно»^{xxxviii}.

Наполеоновские войны, наряду с естественным приростом населения, способствовали увеличению в крае числа раскольников и сектантов. Например, в посаде Дубовка с 1800 по 1810 г. было 627 душ поповцев, а в следующем десятилетии их численность возросла до 742^{xxxix}. По сведениям царицынского протоиерея П. Лугарева, молокане и субботники в небольшом количестве объявились в уезде с 1805 г., но затем их число продолжало расти, и в 1814 г. они оказались среди вернувшихся из-за границы беглых солдат, барских людей и бродяг, приписанных по Высочайшему манифесту в купечество и мещанство Дубовского посада^{xxx}. По сведениям обер-прокурора Синода, к началу 1815 г. секта раскольников, «называемая поповщина», широко распространилась и в г. Кузнецке, составляя четвертую часть населения^{xxxi}.

Стремясь держать их под контролем, правительство циркуляром от 19 августа 1812 г. предписало местным властям, чтобы «сведения о старообрядцах не иначе собираемы были, как под рукою и безо всякой малейшей огласки, и чтобы ведомости о них... присылаемы были к министру полиции единожды в год и имянно к 1-му числу генваря месяца»^{xxxii}.

В свою очередь епископ Пензенский и Саратовский Афанасий, дабы противостоять распространению раскола, старался не допустить возведения новых старообрядческих церквей, часовен и молитвенных домов. Как только становилось известно о подобных случаях, он сразу же докладывал о них Синоду. В 1815 г. архиерей доносил в Петербург, что близ строившегося в Саратове Спасо-Преображенского монастыря старообрядцы-поморцы соорудили молельню и устроили при ней женскую богадельню, в которой проживало до 100 человек, но были они вовсе «не больные и престарелые, а молодые девки и женщины», а поэтому, по словам епископа, «там вместо призрения страждущих совершается разврат». В том же году владыка сообщал о том, что в Кузнецке поповцы построили большую деревянную часовню, укрывали беглого попа, совершали публичные духовные процессии и намеревались водрузить на часовне колокола^{xxxiii}. Это обращение возымело действие, и в январе 1815 г. раскольникам Кузнецка было запрещено проводить «явно церковные их процессии и употреблять колокольный звон...»^{xxxiv}.

Новым явлением, с которым столкнулись саратовские власти в начале XIX в., стали разного рода волнения и выступления местных жителей, вызванные военными событиями. 30 июня 1810 г. в Саратове «вдруг к западу появился клуб светлый ... Клуб, при падении... разделился на три малые звезды и исчез... Толкования были различны: иные говорили, что это к войне...»^{xxxv}. Вообще перед Отечественной войной, по словам А.И. Михайловского-Данилевского, «только и слышно было о наводнениях, вихрях, пожарах. <...> Общая молва приписывала сии бедствия разсылщикам Наполеона. <...> Все были в ожидании чего-то чрезвычайного. На небе явилась комета. Простолудины, глядя на бродящую в небесах звезду и огромный хвост ея, говорили: "Пометит беда землю Русскую!"»^{xxxvi}. О бушевавших в Саратове пожарах и появившейся на небе комете сообщал в своем дневнике и Н.Г. Скопин^{xxxvii}. Эти природные явления и стихийные бедствия люди связывали с военной угрозой и воспринимали как кару небесную за их земные грехи.

Позднее население стали будоражить сообщения с полей сражений. Правда, вести о них доходили на Волгу с большим опозданием. Так, рескрипт от 13 июня 1812 г. о начале войны был получен саратовскими властями только 2 июля к вечеру, а широкой общественности города был доведен, по сообщению Н.Г. Скопина, на следующий день, «и по сему случаю служили молебны»^{xxxviii}, на котором наряду с Манифестом правительства читалось специальное воззвание Синода^{xxxix}. Кроме того, Синод постановил в дальнейшем служить во всех церквах регулярные молебны о победе «на супостаты». Во исполнение этого решения с середины ноября 1812 г. в епархии по определению архиерея стали служить регулярные молебны Пресвятой Богородице^{xl}.

В поволжские колонии весть о вторжении Наполеона дошла еще позднее - в середине июля, когда во все селения были разосланы в переводе на немецкий язык указы Правительствующего Сената с приложением Манифеста о внутреннем ополчении. При этом обер-форштегерам и форштегерам предписывалось действовать «всеми зависящими от них способами к немедленному исполнению» этих документов, а пасторам и патерам вменили в обязанность «пастырскими увещаниями... каждому разъяснять обязанности к Отечеству, требующему ныне помощи от верных сынов его...»^{xli}.

С этого времени по указке сверху в храмах поселенцев также регулярно отмечали все успехи русского оружия. Журнал «Сын Отечества» опубликовал письмо Воейкова от 6 марта 1813 г., в котором сообщалось, что в Сарепте «добрые евангелисты... каждый четверток... молят Господа Сил об избавлении немецких их собратий от покровительства нового Пугачева и благословении победоносного оружия россиян, сражающихся за свободу Европы»^{xlii}.

Помимо проповедей и благодарственных молебнов, представители духовенства совершали пасторские поездки. Летом 1813 г. преосвященный Афанасий посетил многие места епархии и имел многочисленные встречи с паствой, на которых старался донести до сознания каждого, сколь важен заграничный поход русской армии и сколь необходимо продолжать помощь и содействие русским войскам^{xliii}.

Правда, пониманием ответственности в ту годину прониклись далеко не все представители саратовского духовенства. Например, 3 июля 1812 г. «священник Евдоким уехал самовольно на свой хутор и там прогулял молебен, служимый в Соборе об открытии войны французам...»^{xliv}. Подобного рода казусы случались и позднее^{xlv}.

Помимо церковных источников, вести о военных действиях доходили до саратовцев из официальных сообщений, которые сначала распечатывались в необходимом количестве экземпляров и рассылались по губернии^{xlvi}. Однако затем, «по случаю дороговизны на все материалы, расходы на типографию возросли до того, что губернское правление вынуждено было заложить типографию Приказу общественного призрения»^{xlvii}.

Еще одним официальным источником информации были газеты. Например, один из пленных, К.Хр.Л. Шенк, вспоминал: «Также мы узнали... много новостей о военных действиях в Германии, [сведения] о которых были позаимствованы из Петербургской газеты на немецком языке»^{xlviii}, которая имела в Саратове^{xlix}.

Позднее к ним добавились частные источники информации. Ю.М. Лотман так писал об этом: «Письма из армии и кутузовские реляции... передавались из рук в руки. В это время частное письмо выполняло порой функцию газеты: его не стеснялись передавать и переписывать»¹. Очевидно, этим обстоятельством и был вызван циркуляр от 17 сентября 1812 г., который предлагал «по нынешним обстоятельствам... для открытия истины в случаях подозрения на людей навлекающих на себя оное, требовать от почтовых мест освидетельствования корреспонденции их», но, «приняв оную, немедленно уведомлять о том» министра внутренних дел и полицию^{li}.

Письма как источник информации сохранили свое значение и позднее. В марте 1813 г. именно из «партикулярного» письма саратовцы узнали о занятии русскими войсками Берлина^{lii}. Письмо прапорщика лейб-гвардии егерского полка В.С. Норова из действующей армии своим родителям в Саратовскую губернию показало отношение к войне за освобождение Европы от французского владычества: «Сколь война сия не была кровопролитна, но мы охотно желаем еще сражений, чтоб получить твердый и полезный мир для отечества нашего. Мы оставили Россию и идем теперь в иностранных землях, но не для овладения оными, а для их спасения. Надо даровать мир и спокойствие Европе, говорит нам Государь наш, и мы идем на Запад с войною для мира. До сих пор мы сражались для спокойствия нашего отечества,

теперь будем сражаться для спокойствия всей Европы. Надо пользоваться расстройством неприятеля, чтоб не дать ему усилиться»^{liii}.

Однако недостаток информации повлек за собой и распространение всевозможных слухов, которые властные структуры старались пресекать.

15 июля 1812 г. саратовский прокурор Василий Максимов писал министру юстиции: «...4-го числа сего июля месяца в городе Саратове появились списки, будто с письма французского императора князьям Рейнского союза, в котором, между прочим, сказано, что он обещает чрез шесть месяцев быть в двух северных столицах». В результате принятых мер было установлено, что 2 июля этот список получил саратовский купец Архип Андреевич Свиридов от своего сына Михаила, служившего в Москве приказчиком у купцов Быковских, а составлена бумага тем самым московским мещанином М.Н. Верещагиным, которого Ф.В. Ростопчин отдаст на расправу толпе. «Все те списки, у кого таковые были, [саратовской] полициею тотчас отобраны, и воспрещено иметь оныя»^{liv}.

Священник с. Новая Лопатка Петровского уезда Василий Иванов после обнародования Высочайшего манифеста от 6 июля 1812 г. утверждал публично, что манифест этот «издан не от Государя Императора, а по повелению дворян, которые народ разоряют». Однако местные жители не поверили священнику; более того, задержали его и отправили в земский суд. На запрос суда о личности священника Духовное правление ответило, что Иванов - «человек непостоянный и находится под следствием в причинении прихожанам разных обид».

После проведенного следствия дело Иванова было отправлено для решения епископу Пензенскому и Саратовскому. Иванов был лишен священнического сана, записан в число казенных поселян и по решению Саратовской уголовной палаты от 17 октября 1812 г. сослан в Сибирский край^{lv}.

В конце октября 1812 г. Н.Г. Скопин записал: «В сей месяц благоприятных слухов о войне слышно было мало»^{lvi}. Например, проживавший в Саратове «еврейской веры и придержающийся молоканской секты» отставной прапорщик Викторов говорил тогда, «что у Наполеона войска полтора миллиона, и что Рига взята неприятелем». Он толковал слова Библии «лев победил орла» так: «Евреи рассеяны не навсегда, но будут собраны, что истязание, ими терпимое отмстится и что слабейший их будет храбрый». Саратовский губернатор, на том основании, что в этой губернии много молокан и «неблагонамеренныя разглашения могут иметь вредное влияние на непросвещенные умы», 27 октября 1812 г. выслал Викторова в Пермскую губернию, прося установить там за ним надзор^{lvii}. Отставной прапорщик пробыл в ссылке до начала сентября 1814 г., когда на основании Манифеста от 30 августа того же года ему было позволено жить везде, кроме столиц^{lviii}.

Различные формы протеста среди податных сословий были вызваны рекрутскими наборами. Желая избавиться от тягот военной службы, потенциальные рекруты совершали побеги из своих селений или прибегали к членовредительству^{lix}. Иногда отдельные крестьяне открыто отказывались выполнять рекрутскую повинность. Ясачный крестьянин с. Ексарка Кузнецкого уезда Саратовской губернии Егор Иванов на общественном сходе, во время рекрутского набора, сказал дворянскому заседателю Неклюдову: «Не француз воюет, а великий князь Константин Павлович против нашего государя императора» и будто бы будет всем помещичьим крестьянам вольность, а всех господ будут рубить и вешать. 4 ноября 1812 г. губернский прокурор отрапортовал об этом инциденте министру юстиции. Иванов был взят под стражу и на суде показал, что говорил эти слова, будучи пьяным, и все выдумал сам. Саратовский уездный суд, разобрав дело, приговорил крестьянина к 30 ударам кнутом в его родном селе и к ссылке в Сибирь на крепостные работы^{lx}.

Возмутителями спокойствия становились также рекрутские партии и регулярные части, направляющиеся на войну. Причинами конфликтных ситуаций становились, с одной стороны, самовольные захваты у обывателей фуража и провианта и т. д., с другой стороны, разное, подчас диаметрально противоположное, отношение ко многим ценностям, отличные жизненные представления у солдат и крестьян. У иррегулярной национальной конницы это дополнялось незнанием русского языка.

Например, в начале 1812 г. пришла жалоба на беспорядки, учиненные рекрутами, из колонии Пановка^{lxi}. Свои впечатления о прохождении через Саратов башкирских команд, сопровождавших в армию подаренных лошадей, оставил в своих мемуарах К.Хр.Л. Шенк. «В последнее время моего пребывания в Саратове я также имел удовольствие увидеть

проходящими [через город] несколько башкирских полков. То, что преимущественно отличает этих людей, является их особенное пристрастие к чужой собственности, и эта их склонность настолько известна в России, что как только через город проходит полк башкир, то местный гарнизон тотчас же образует от одних ворот до других удвоенную шеренгу, чтобы никто из них не смог покинуть своего места. Их также уже достаточно знает население тех деревень, около которых квартируются эти опасные полулюди и каждый крестьянин прячет и закапывает то немногое, что он имеет, потому что в противном случае даже это немногое они заберут с собой»^{lxxii}.

Другими нарушителями спокойствия стали многочисленные военнопленные Великой армии^{lxxiii}. Циркулярное предписание от 5 сентября 1812 г. главнокомандующего в Петербурге С.К. Вязмитинова свидетельствовало, что они «чинят разные обиды обывателям, оказывают неповиновение к конвойным командам, самовольно отлучаются и разными буйствами и неистовыми поступками вселяют страх в поселянах и возмущают их спокойствие»^{lxxiv}.

Подобные происшествия имели место и в Саратовском крае. Например, с появлением в губернии военнопленных Контора опекунов иностранных регулярно стала получать от полицмейстера требования о сыске «не ведомо куда» отлучившихся^{lxxv}. А 8 июня 1813 г. шестеро французских военнопленных «Келлер, Бене, Керха, Радимахер, Иоган и Диль», работавших по найму «близ Саратова в саду» надворного советника М.А. Устинова, «произвели ссору и драку» с мещанином И.Е. Смирновым, «имевшем сад в соседстве», который «после того чрез сутки умер». После длительной судебной волокиты 26 августа 1815 г. «на основании Всемиловейшего манифеста» «оных преступников» было повелено, «избавя от казни», сослать на каторжные работы в Нерчинск^{lxxvi}, где впоследствии они были освобождены «на собственное пропитание»^{lxxvii}.

Далеко не идиллическими были отношения и между самими военнопленными. В октябре 1813 г. французы, узнав «об отделении немецких князей от Наполеона^{lxxviii}... были крайне озлоблены на немецких пленных»^{lxxix}. Н.Г. Скопин писал о том, что в свою очередь баварцы и ганноверцы просили отделить их от французов, «ибо де они - каналы», поэтому власти «согласились их всех оставить в Саратове, а французов выслать в другие города...»^{lxxx}.

А в ходе репатриации преследованиям со стороны своих бывших товарищей подвергались те из пленных, кто решил остаться в России. Уроженец Кельна Вильгельм Клейн увезен был с пашни «усильным образом прежними товарищами его». На рядового 16-го французского конно-егерского полка Иогана Даво «из злобы напали» в Саратове «и его ограбили, сняв с него кафтан и шапку...». По словам того же Даво, «отправляемые пленные по злобе к остающимся везде ищут случаев делать обиды и даже для того стерегут остающихся на перевозе и постоянных дворах»^{lxxxi}.

Определенные хлопоты доставила саратовским властям и шпиономания, охватившая русское общество в 1812 г. Например, Н.П. Котлубицкий в письме графу Ф.В. Ростопчину от 23 июля 1812 г. предлагал установить слежку за профессором И.А. Феслером. Последний был выписан из Петербурга в Вольск сыном тамошнего купца-миллионера К.В. Злобиным «для усовершенствования им заведенного пансиона»^{lxxxii}.

Хорошо известно и письмо самого Ростопчина, писавшего императору Александру 23 августа 1812 г.: «Я послал к графу Толстому уведомление относительно этого негодного Сперанского; он заставляет действовать Столыпина^{lxxxiii} и Злобина^{lxxxiv} в Пензенской и Саратовской губерниях; имеется в виду ослабить усердие страхом. Но надобно поскорее противодействовать этому и воспрепятствовать козням, которые ведутся против нас»^{lxxxv}.

В немецкие колонии в середине июля 1812 г. (одновременно с известием о начале войны) было отправлено предписание Министерства внутренних дел о строжайшем «смотре, чтобы между колонистами не было таких людей, кои не российские подданные и у присяги не были и если таковые найдутся, тотчас отсылать их куда следует»^{lxxxvi}.

Однако бдительность саратовских властей со временем притупилась. В результате в августе 1813 г. в Астраханской губернии был задержан подозрительный иностранец Адам Моретти, который прибыл в Саратов из Уфы «прошедшей весной», прожил там шесть недель «по причине вскрытия рек», а затем был взят на судно купца Котельникова по просьбе подполковника Третьякова под именем грека Петра Иванова^{lxxxvii}. Проведенное тогда расследование установило, что это был еврей, который под этим именем обучался в

Виленском университете, а в 1807 г. прибыл в Москву^{lxxviii}, где преподавал во многих домах^{lxxix}. В 1812 г. он переехал в Уфу, а затем побывал в Оренбурге. При обыске в двойном дне его сундука были найдены инструменты для съемки местности и план Оренбурга с расположением полков^{lxxx}.

Позднее в связи с высадкой Наполеона во Франции новый циркуляр (от 10 мая 1815 г.) предписывал местным властям «усугубить всевозможное старание к открытию подобных зловредных людей...»^{lxxxi}.

Более успешной была борьба саратовских властей с экономической диверсией со стороны Франции. Как известно, к началу кампании 1812 г. было изготовлено значительное количество ассигнаций, с помощью которых Наполеон хотел содержать свою армию в России, подрывая денежное обращение страны. Крупные суммы подобных фальшивок стараниями местного административно-полицейского аппарата были выявлены и на территории губернии. Например, к донесению от 7 апреля 1813 г. было приложено ассигнаций, которые оказались «совершенно фальшивыми как по бумаге, так и по подписям, кои не писаны, а гравированы...»^{lxxxii}, на сумму в 1000 руб.^{lxxxiii}

В целях предотвращения их распространения внутри страны 20 мая 1813 г. гражданским губернаторам было разослано секретное предписание «О признаках фальшивых ассигнаций» с запрещением их оплаты^{lxxxiv}. Реакцией на это стал указ Саратовского губернского правления от 26 июля о внимательном рассмотрении всех принимаемых ассигнаций, адресованный уездному начальству и содержащий признаки подделок^{lxxxv}. Усилия некоторых представителей местных властей по их изъятию были весьма успешны. Так, в конце 1813 г. саратовский губернатор даже ходатайствовал о награждении «кузнецкого земского исправника Кострицына за открытие размножителей фальшивых ассигнаций и другие подвиги...»^{lxxxvi}.

И наконец, следует отметить, что саратовские власти не только поддерживали порядок в собственной губернии, но и привлекались к подавлению волнений у соседей. Например, бунт ополченцев в Пензенской губернии заставил тамошнего губернатора обратиться 11 декабря 1812 г. к А. Д. Панчулидзеву с просьбой: «Прислать как можно поспешнее на почтовых или на подводах обывательских часть батальона, в губернском городе Саратове находящегося, с нужным вооружением.»^{lxxxvii}

Обращение возымело действие, и 14 декабря из Саратова выступила воинская команда Саратовского гарнизонного батальона, состоявшая из 100 «нижних чинов» при трех офицерах, которая двигалась к Пензе на 40 пароконных подводах^{lxxxviii}. Правда, участник тех событий офицер 3-го пехотного полка П.И. Юматов привел несколько иные данные. Он вспоминал, что из Саратова в Пензенскую губернию прибыл «бригадный командир внутренней стражи полковник Румянцев с 136 человеками гарнизонной команды и казаков», которые «по усмирении ратников в Инсаре... были разделены и обращены в города Саранск и Чембар против возмущившихся и там ратников 1-го и 2-го полков ополчения...»^{lxxxix}

Таким образом, в эпоху наполеоновских войн количество разного рода нарушений общественного порядка на территории Саратовской губернии значительно выросло, они были стихийными, одновременными и не многолюдными. В условиях сложной военно-политической, социально-экономической и криминогенной обстановки в стране местные власти предприняли ряд мер полицейского, военного, религиозного и пропагандистского характера, направленных на укрепление порядка и организованности и борьбы с преступностью. В решении этих задач были задействованы городская и земская полиция, воинские подразделения и подразделения внутренней стражи, казачьи части и сельская община.

В основном участниками разного рода антиобщественных выступлений были представители социальных низов, которые, как видно, были далеки от осознания важности общегосударственных проблем, стоявших перед страной в тот момент. Разумеется, точное число аполитично и непатриотично настроенных саратовских жителей приведенные факты определить не позволяют, однако они, несомненно, были только зримой верхушкой айсберга местных настроений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ⁱ Цит. по: *Исакова Г.В.* Возвращение памяти... Саратов, 2008. С. 7.
- ⁱⁱ См.: Российский государственный исторический архив. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 120. Л. 18, 174 об., 258, 339. (Далее - РГИА).
- ⁱⁱⁱ См.: *Варадинов Н.* История министерства внутренних дел. СПб., 1859. Ч. 2, кн. 1. С. 250-251; *Семевский В.И.* Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отечественной войной // Отечественная война и русское общество, 1812-1912. М., 1912. Т. 5. С. 96, примеч.
- ^{iv} О российской ситуации см.: *Сафронова Л.А.* Обеспечение внутренней безопасности и общественного порядка в Российской империи в 1806-1814 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004.
- ^v См.: Бургомистр Гр. Шокин - М.А. Волковой, 12 августа 1812 г. // Письма из эпохи 1812-1813 годов к М.А. Волковой // Рус. архив. 1887. Кн. 1. С. 186-187, а также: *Семевский В.И.* Указ. соч. С. 87; *Игнатович И.И.* Крестьянское движение в России в первой четверти XIX в. М., 1963. С. 89; История Саратовского края (1590-1917). Саратов, 1964. С. 186-187; *Абалихин Б.С.* Особенности классовой борьбы в России в 1812 г. // Из истории классовой борьбы в дореволюционной и Советской России. Волгоград, 1967. С. 126; *Белоусов С.В.* Провинциальное общество и Отечественная война 1812 года (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007. С. 113.
- ^{vi} ПСЗ. Т. XXXII. № 25219.
- ^{vii} См.: *Игнатович И.И.* Указ. соч. С. 270; *Белоусов С.В.* Указ. соч. С. 116-117.
- ^{viii} См. об этом подр.: *Михайлова О.М.* Разбойничество в Нижнем Поволжье в XVIII - первой половине XIX вв. // Неофициальная жизнь горожан: Запад -Россия - Восток: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2007.
- ^{ix} *Варадинов Н.* Указ. соч. С. 250.
- ^x РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 120. Л. 18, 174 об., 256, 339.
- ^{xi} *Плешаков И.Н.* Гардкоуты в Саратовском Поволжье: Из истории речной стражи XVIII - первой половины XIX вв. // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Саратов, 2006. Вып. 7. С. 23.
- ^{xii} *Минх А.Н.* Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии: Собраны в 1861-1888 гг. Саратов, 1994. С. 17.
- ^{xiii} См.: *Мордовцев Д.Л.* Вспышки понизовой вольницы в 1812 г. // Всемирный труд. 1871. Т. 1. С. 8, 9, 17; То же // Исторические пропилеи. 1889. Т. 1.
- ^{xiv} *Скопин Н.Г.* Записки дневные о делах и вещах достопамятных // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссией в память трехсотлетия города Саратова. Саратов, 1891. Т. 1. С. 447.
- ^{xv} *Мордовцев Д.Л.* Указ. соч. С. 12; *Скопин Н.Г.* Записки дневные... С. 447.
- ^{xvi} *Мордовцев Д.Л.* Указ. соч. С. 27, 29.
- ^{xvii} См.: *Зайковский Б.В.* Впечатления из поездки в Елань Аткарскую // Тр. СУАК. 1909. Вып. XXV С. 241-243.
- ^{xviii} Архив Вольского нижнего земского суда // Тр. СУАК. Саратов, 1889. Т. 2, вып. 1. С. 58, 59.
- ^{xix} РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. 1819 г. Д. 2896. Л. 19 об., 20.
- ^{xx} *Скопин Н.Г.* Записки дневные... С. 482.
- ^{xxi} РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. 1819 г. Д. 2896. Л. 15, 20 (подсчитано мной).
- ^{xxii} *Скопин Н.Г.* Записки дневные... С. 459.
- ^{xxiii} *Жеребцов В.О.* Страницы из прошлого Саратова // Тр. СУАК. 1913. Вып. XXX. С. 94.
- ^{xxiv} Цит. по: *Духовников Ф.В.* К истории топографии Саратова начала нынешнего столетия // Саратовский край: ист. очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 151.
- ^{xxv} См.: *Мордовцев Д.Л.* Указ. соч. С. 31—41.
- ^{xxvi} См. подр.: *Плешаков И.Н.* Гардкоуты в Саратовском Поволжье... С. 20-27.
- ^{xxvii} *Ведель К.А.В., фон.* История одного офицера в войне против России в 1812 году, в русском плену в 1813-1814 годах, в походе против Наполеона в 1815 году: Воспоминания / Пер. с нем. А.Н. Галямичева, коммент. В.П. Тотфалушина // Поволжский край: Сб. ст. Саратов, 2005. № 12. С. 173.
- ^{xxviii} Цит. по: *Новиков А.П., Барзилов С.И.* Святители Земли русской: Биограф. очерки Саратов. архiereев (1799-1832). Саратов, 2000. С. 134.
- ^{xxix} *Соколов Н.С.* Раскол в Саратовском крае. Саратов, 1888. С. 221.
- ^{xxx} См.: *Кузнецов В.В.* Купечество малых волжских городов Саратовской губернии в конце XVIII - первой половине XIX веков: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2007. С. 163-164.
- ^{xxxi} См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 623. Л. 31 об.-32; *Новиков А.П., Барзилов С.И.* Указ. соч. С. 135. (Далее - ГАРФ).
- ^{xxxii} ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 620. Л. 234 об.
- ^{xxxiii} *Новиков А.П., Барзилов С.И.* Указ. соч. С. 135.

- xxxiv ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 623. Л. 32.
- xxxv Скопин Н.Г. Записки дневные... С. 412.
- xxxvi Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. 2-е изд. СПб., 1840. Ч. 1. С. 138-139.
- xxxvii Скопин Н.Г. Записки дневные... С. 432, 435.
- xxxviii См.: Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года / Сост. Н.Ф. Хованским. Саратов, 1912. С. 34; Скопин Н.Г. Записки дневные... С. 450.
- xxxix Полный текст воззвания см. в кн.: Новиков А.П., Барзилов С.И. Указ. соч. С. 112-113.
- xl Там же. С. 112, 117.
- xli Тотфалушин В.П. Поволжские колонисты и Отечественная война 1812 г. // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы междунар. науч. конф. М., 1996. С. 139.
- xlii Письмо из Сарепты // Сын Отечества. 1813. № 18. С. 251-260; То же // Участие Саратовской губернии. С. 78-81.
- xliiii Новиков А.П., Барзилов С.И. Указ. соч. С. 119.
- xliv Скопин Н.Г. Ephemerides saratoviensium actuum aliarumque chicumpantiarum adclerum sacerdotalem pertinen tium // Саратовский исторический сборник... С. 589.
- lv Там же. С. 589, 590-591, 591.
- lvi Участие Саратовской губернии. С. 34, 67.
- lvii Хованский Н. Ф. Историческое описание г. Саратова // Альбом видов г. Саратова и адреса разных торговых фирм. Саратов, 1893 (без пагинации).
- lviii Скорее всего, речь идет о газете «St.-Peterburgische Zeitung», выходившей в XVIII-XX вв.
- lix Шенк К.Хр.Л. Сообщения из жизни французского подполковника, содержащие историю его пленения в битве при Бородино в России 7-го сентября 1812 года, его перевозки к границам Азии, о также его пребывания и содержания там в качестве военнопленного в 1813 и 1814 годах / Пер. с нем. Е.В. Ермасова, коммент. В.П. Тотфалушина // Докл. Академии военных наук. Саратов, 2004. № 12. С. 88. См. также: Пепплер Ф. Описание моего плена в России с 1812 по 1814 годы / Пер. с нем. Е.В. Ермасова при участии А.Н. Галямичева, коммент. В. П. Тотфалушина // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Саратов, 2008. Вып. 8. С. 265.
- ¹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции рус. дворянства XVIII-начала XIX века. СПб., 1994. С. 326. Ср.: Оппокова В. И. Прошлое Саратовского края. Саратов, 1924. С. 96.
- li ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 620. Л. 289.
- lii Скопин Н.Г. Записки дневные... С. 461.
- liii Оригинальные письма из армии 1812-1813 гг. // Рос. архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. М., 1996. Вып. VII. С. 155-156.
- liv См.: Участие Саратовской губернии... С. 267-268; Семевский В.И. Указ. соч. С. 87, примеч.; Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию 1812 г. // Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 7. С. 594.
- lv См.: Участие Саратовской губернии... С. 268-270; Мельникова Л.В. Армия и Православная церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007. С. 85.
- lvi Скопин Н.Г. Записки дневные... С. 454.
- lvii См.: Участие Саратовской губернии... С. 270-271.
- lviii ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 622. Л. 377.
- lix См. об этом подр.: Тотфалушин В.П. Рекрутские наборы в Саратовской губернии в Отечественную войну 1812-1814 гг. // Изв. Сарат. ун-та. Сер., История. Международные отношения. 2007. Т. 7, вып. 2.
- lx См.: Участие Саратовской губернии... С. 271-272; Оппокова В.И. Указ. соч. С. 96.
- lxi См.: Участие Саратовской губернии... С. 24-25; Тотфалушин В.П. Поволжские колонисты... С. 140.
- lxii Шенк К.Хр.Л. Указ. соч. С. 95.
- lxiii К 17 февраля 1813 г. в Саратовскую губернию поступило 4648 пленных, и из этого числа на жительстве осталось 3730 человек. Сравнение этих данных со статистикой по другим губерниям России показывает, что на тот момент Саратовская земля приняла наибольшее количество военнопленных (Бессонов В.А., Тотфалушин В.П. Военнопленные Великой армии в Саратовской губернии // Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года: Материалы Всерос. науч. конф. Саратов, 30 мая - 1 июня 2002 г. Саратов, 2002. С. 169).
- lxiv Цит. по: Бессонов В.А. Калужский военный Ордонанс-гауз // М.И. Кутузов и русская армия на II этапе Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1995. С. 92.
- lxv Тотфалушин В.П. Поволжские колонисты... С. 140.
- lxvi См. подр.: Тотфалушин В.П. Эпизод из жизни французских военнопленных в Саратове // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Саратов, 1998. Вып. 3, ч. 1.

- ^{lxxvii} См.: *Миловидов Б.П.* Пленные Великой армии, оставшиеся в России: к постановке проблемы // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Сб. материалов Всерос. науч. конф., 24 окт. 2009 г. Малоярославец, 2009. Вып. XVII. С. 123, 126.
- ^{lxxviii} Победа союзных армий в «Битве народов» под Лейпцигом в октябре 1813 г. привела к распаду Рейнского союза, существовавшего с 1806 г
- ^{lxxix} *Флек А.* Описание моих страданий и судеб во время наполеоновского похода и моего плена в России / Пер. с нем. А.Н. Галямичева, коммент. В.П. Тотфалушина // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. II: К 200-летию Отечественной войны 1812 года / Тр. Гос. Ист. музея. Вып. 137. М., 2003. С. 220.
- ^{lxxx} См.: *Скопин Н.Г.* Записки дневные... С. 473.
- ^{lxxxi} *Тотфалушин В.П.* Поволжские колонисты... С. 144.
- ^{lxxxii} Бумаги графа Ф.В. Ростопчина // Рус. архив. 1909. Кн. 1. С. 48—19; То же // Участие Саратовской губернии... С. 65-66.
- ^{lxxxiii} А.Е. Стольпин (1744-1817), пензенский помещик, откупщик, предводитель дворянства Пензенской губернии.
- ^{lxxxiv} В. А. Злобин (1750-е-1814), именитый гражданин г. Вольска, откупщик, городской голова. Вряд ли в письме речь идет о сыне Злобина Константине Васильевиче (1777-1813), свояке Сперанского, так как он был значительно более мелкой фигурой по сравнению со своим отцом.
- ^{lxxxv} Письма графа Ф. В. Ростопчина к императору Александру Павловичу в 1812 году // Рус. архив. 1892. № 8. С. 525-526.
- ^{lxxxvi} *Тотфалушин В.П.* «Разбор» иностранцев в 1812 году и Саратовская губерния // 1812 год: война и мир: Материалы Всерос. конф. Смоленск, 2009. С. 171.
- ^{lxxxvii} ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 621. Л. 379об.-380
- ^{lxxxviii} По другим сведениям, А. Моретти прибыл в Россию в 1810 г. (см.: *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 182).
- ^{lxxxix} ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 621. Л. 380-380об., 381-381 об.
- ^{lxxx} *Безотосный В.М.* Указ. соч. С. 80.
- ^{lxxxxi} ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 623. Л. 232-232об.
- ^{lxxxii} Главными признаками французских подделок были печатные подписи чиновников и опечатки на ассигнациях, а также иной оттенок бумаги. См. об этом подр.: *Маршак М.Б.* Наполеоновские подделки русских ассигнаций // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. XXVI: Нумизматика. Л., 1986. № 6. С. 52-57.
- ^{lxxxiii} ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 621. Л. 192об.
- ^{lxxxiv} Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы рос. минваиностр. дел. Сер. 1: 1801-1815 гг. М., 1970. Т. 7. С. 711, примеч. 41.
- ^{lxxxv} См.: *Плешаков И.Н.* Балашовский край и Отечественная война 1812 г.: новые материалы и перспектив. направления исследований // Прихоперье и Саратовский край в панораме веков: Материалы XVI ист.-краевед. конф., 17 нояб. 2006 г. Саратов, 2006. С. 56.
- ^{lxxxvi} ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 621. Л. 517.
- ^{lxxxvii} Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов. М., 1962. С. 379, примеч.
- ^{lxxxviii} См.: *Белоусов С.В.* Указ. соч. С. 172-173, примеч.
- ^{lxxxix} *Юматов П.И.* Воспоминания ветерана 1813-1814 годов // Тр. СУАК. 1890. Т. 3, вып. 1. С. 188.